

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. И. ДУЛЬЗОН

ВОПРОСЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РУССКИХ ТОПОНИМОВ СУБСТРАТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Русская географическая терминология, как известно, во многих случаях восходит к соответствующим словам языков древнего аборигенного населения, ассимилированного русским народом. Термины такого происхождения нельзя рассматривать как обычные заимствования; их анализ требует учета различных речевых особенностей субстратного (ассимилированного) населения, которые именно в реликтовых словах прежнего языка — топонимах — долгое время могли сохраняться даже после перехода всего этого населения на русский язык.

Материалом для данной статьи явились русские топонимы Западной Сибири, в особенности те из них, которые восходят к кетскому языку, сыгравшему значительную роль в создании топонимии Сибири. Кеты (енисейские остяки), потомки которых теперь проживают на нижнем Енисее, по своему языку занимают изолированное положение среди всех аборигенных народов Сибири. Выяснение древних мест проживания кетов по сохранившимся топонимам представляет особенно большой интерес. Для решения этой задачи надо знать, какие топонимы являются кетскими по своему происхождению или хотя бы только по употреблению. Кетскими по происхождению мы считаем такие топонимы, морфологический состав которых полностью раскрывается из данного языка; кетскими по употреблению являются топонимы, в отношении которых известно только, что они были в употреблении у кетов, независимо от характера их морфологического состава. В связи с этим надо остановиться на некоторых вопросах методики исследования, в частности рассмотреть принципы этимологического анализа топонимов и установить критерии, которые позволяют признать топоним кетским по употреблению.

Давно уже подмечено, что географические названия однородных объектов (например, рек) можно по типу их структуры сгруппировать. Названия того или иного типа обычно бывают сосредоточены более или менее плотно в пределах определенной территории, составляющей ареал распространения этого типа. Наличие сходных топонимов на территории, которая первоначально была заселена разноязычным населением, нередко приводило исследователей к тому, что они сближали и сопоставляли топонимы по одному их внешнему облику, без достаточного учета особенностей тех языков, которые когда-то были распространены на этой территории. На основании таких сопоставлений выводились ареалы былого распространения того или иного народа на данной территории.

При наивном подходе достаточным для таких выводов являлось уже общее звуковое сходство топонимов¹. Более осторожные исследователи,

¹ См., например, [А б р а м о в], Догадки о значении имен некоторых мест Тобольской губернии, ЖМНП, 1841, май; С. К. Кузнецов, Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Моск. археол. ин-те в 1907—1908 г., вып. I, М., 1910; Г. А. Меньшиков, О названиях рек и гор на Урале, «География в школе», 1936, № 3, и др.

не ограничиваясь поверхностным сравнением, производили морфологический анализ слов и выделяли группы топонимов с одинаковыми элементами, такими, как: *-ма*, *-ва*, *-га*, *-джа*, *-ба*, *-за*, *-ка*, *-ла*, *-ра*, *-ша*, *-я* и т. д.¹. Наличие таких повторений в названиях рек, озер, гор и т. п. истолковывалось как указание на то, что «население, давшее эти названия, было одно и то же, с одним и тем же языком»².

На сходство многих гидронимов Западной Сибири с названиями русского Севера к западу от Урала указывал А. И. Соболевский³; упоминания об этом сходстве имеются также у В. Б. Шостаковича, А. В. Попова, А. Орлова⁴. Сделанные исходя из этого сходства, выводы А. Орлова о первоначальном заселении Европы и Сибири финнами отличаются своей парадоксальностью⁵. А. И. Соболевский при анализе названий широко использовал закономерные соответствия в звуках славянских и некоторых других индоевропейских языков на разных этапах их истории; свои лингвистические выводы он стремился подтвердить данными антропологии и этнографии⁶. Тем не менее общий ход исследования А. И. Соболевского нельзя признать правильным, а выводы его — убедительными. Дело в том, что Соболевский (как и другие авторы) исходит из неверного общего положения, что все звучащее одинаково представляет собой одно и то же. Между тем, как мы увидим дальше, конечные элементы топонимов одного района (*-га*, *-ма* и т. д.) могут иметь совершенно иное происхождение, чем равнозвучные исходы топонимов другого района.

Так, например, окончание *-га* в топониме *Лозыга* (Гомская обл.) не тождественно окончанию *-га* в топониме *Кемчага* (Тува): в первом случае оно селькупского происхождения, во втором — южносамодийского. Нередко даже полностью однозвучные слова, встречающиеся в разных, иногда очень удаленных друг от друга местах, фактически имеют совершенно различное происхождение. Так, название *Икса* носят река, протекающая к западу от Урала, и приток средней Оби. В районе Урала *Икса* можно объяснить из марийск. *икса* «небольшая река»⁷. На средней Оби же топоним *Икса*, который произносится здесь как *йикса*, восходит к обско-тюрк. *йиксу*. Так как обско-тюркское наречие относится к числу йотирующих, то компоненту *йик* в чокающих тюркских наречиях соответствует форма *чик*, которая фактически встречается как название реки в ареале тюркского чоканья.

Различное происхождение могут иметь также одпозвучные исходы слов, встречающиеся в топонимии одного и того же района. Например, окончание *-ка* в топониме *Клюквенка* (приток Кети) не тождественно окончанию *-ка* в топониме *Лымбелька* (приток Кети): в первом случае оно русского происхождения, во втором же происходит из селькупского языка. Следовательно, ареалы русских (по употреблению) топонимов с одинаковым исходом прямо не сводятся к ареалам распространения до-русского населения на соответствующей территории, и прежде чем говорить об определенном субстрате, об определенном народе-создателе

¹ См. А. Соболевский, Как исследовать местные названия?, ИОРЯС, т. XXIII (1918), кн. 1, 1919, стр. 184.

² Е го же, Русско-скифские этюды, ИОРЯС, т. XXVII (1922), 1924, стр. 259.

³ Е го же, Названия рек и озер русского Севера, ИОРЯС, т. XXXII, 1927, стр. 19, 38—42.

⁴ В. Б. Шостакович, Историко-этнографическое значение названий рек Сибири, сб. «Очерки по земледелию и экономике Восточной Сибири» («Изв. Вост.-сиб. отдела Русск. географич. об-ва», т. XLIX), Иркутск, 1926, стр. 126; А. В. Попов, К вопросу о хорографии и палеэтнографии Иркутской губернии, там же, стр. 135; А. Орлов, Происхождение названий русских и некоторых западно-европейских рек, городов, племен и местностей, Вельск, 1907.

⁵ См. А. Орлов, указ. соч., стр. 39.

⁶ А. Соболевский, Названия рек и озер русского Севера, стр. 27.

⁷ См. Б. А. Серебряников, Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР, ВЯ, 1955, № 6, стр. 28.

таких однотипных названий или элементов названий, надо доказать, что эти названия действительно представляют собой одно и то же слово или что сходные элементы в их составе являются одним и тем же формантом.

Вместе с тем указанный односторонний подход (принцип созвучности), не давая исследователю увидеть в нескольких равнозвучных названиях разных субстратных ареалов случайную омонимию, лишает его также возможности установить тождество нескольких разных озвучных названий, например топонимов *Сульцис* и *Шулдат*, расположенных в одном и том же ареале и объясняемых диалектными особенностями языка-субстрата. Таким образом, остро встает вопрос о тщательно разработанной методике этимологического анализа топонимов, которая обеспечивала бы вполне надежные выводы.

Прежде всего, мы придерживаемся следующего общего принципа исследования: топонимы всегда составляют только особый разряд слов языка, и поэтому их анализ должен полностью подчиняться обычным правилам этимологических исследований. Анализ мы начинаем с определения языковой принадлежности каждого отдельного термина. Топоним мы считаем, например, русским по употреблению, если он обладает всеми грамматическими признаками, присущими имени существительному в русском языке. Так, например, *Томь* — русский географический термин, поскольку этому слову присущи форма и значение рода, падежа и числа; *Ванджиль-ки* (левый приток Тьма, правого притока Оби) русским словом не является, потому что оно не обладает указанными формами и значениями русского существительного. Этимологический анализ топонимов иноязычного происхождения всегда предполагает предварительное отделение специфических для русского языка грамматических форм. В названиях, например, рек *Кия*, *Оя*, *Теля*, *Чуя*, *Коя*, расположенных на рассматриваемой нами территории, отделяется *-я* как русская добавка. Правильность этого вывода подтверждается тем, что приведенные формы встречаются только в современном русском языке; языки же, из которых эти термины заимствованы (селькупский, тюркские, кетский), имеют эти названия только в форме *Ки*, *О*, *Те*, *Чу*, *Ко*, как, впрочем, и русский язык XVII и XVIII вв. При введении таких нерусских названий рек в русский язык они приносабливаются к морфологической системе последнего, т. е. включаются в привычные серии моделей слов родного языка и оформляются либо как слова женского, либо как слова мужского рода (морфологическая адаптация). Следует при этом иметь в виду, что нерусским может быть в топониме не только корень, но и элемент аффиксальный, ставший таковым в результате переосмысления состава слова при его введении в русский язык. Например: *Лымбылька* (приток Тьма) из селькуп. *Лымбылькы*; *Юзик* (приток Черного Июса) из хакас. *йзек*, *йзех*; *Лозунга* (приток Васюгана) из селькуп. *Лозын-гы*; *Алма-Ата* из казах. *Алматы*; *Кемчик* из южносамодийск. *Кемчага*; *Косец* (приток Кети) из енисейско-кетск. *Косес*.

Элиминирование специфических для данного языка грамматических форм дает возможность восстановить облик слова языка-субстрата с большей точностью. Но такая форма, полученная путем устранения посторонних для нее морфологических категорий, внесенных языком-передатчиком, может содержать, кроме того, различные искажения в своем звуковом составе. Такие искажения возникают в процессе фонетической адаптации иноязычного слова, в результате которой происходит замена непривычных звуков чужого языка похожими своими (субституция), выпадение звуков или их сочетаний, трудных для произношения (гаплогия), более удобная перестановка звуков (метатеза), переосмысление незнакомого слова (ложная этимологизация) и другие изменения. Не следует думать, что адаптация производится только русскими. Часто она имеет место в среде двуязычных представителей народности, родной язык

которой подвергается ассимиляции. Например, чулымские тюрки, называя свои реки русскому собеседнику, как правило, опускают конечное *5*, заменяют заднеязычный носовой согласный переднеязычным, произносят *ю* вместо *й*, *ё* вместо *о* и т. п. Чистую форму подобного топонима в таких условиях можно услышать только в беседе представителей этого языка между собой. Иногда даже в устах одного и того же человека такой топоним адаптирован в той или иной мере — в зависимости от знания русского и языка-субстрата собеседниками, в зависимости от конкретных условий речевой ситуации. На нижнем Чулыме мне пришлось слышать, например, от одного и того же лица местное тюркское название речки, протекающей у дер. Ежи, в трех вариантах: *Тоинду5*, *Тоинду*, *Тоинда*. Итак, восстановление первоначальной формы топонима иноязычного происхождения немыслимо без учета тех изменений в форме, которые могли наступить благодаря адаптации.

Реконструкция субстратной основы слова в одних случаях представляет собой сравнительно простую операцию; в других же она связана с очень большими трудностями, и восстановленная основа остается гипотетической. Сравнительно легко восстанавливается, например, субстратная основа в названии *Ачи-н-ск*. После отделения русских суффиксов остается основа *ачи*, восходящая к этнониму *ачы5* — названию ачинских татар верховьев Чулыма, на земле которых в 1641 г., был основан Ачинский острог; после перенесения его на новое место там впоследствии образовался г. Ачинск. По полевым записям автора 1957 г. название *ачы5* до сих пор известно кызылам, проживающим в верховьях Чулыма и на Черном Июсе: *ачы5* — одно из названий кызыльских союзов; *ачы5-тура* — местное название г. Ачинска (буквально: «*ачы5ский* город»). По данным И. П. Фалька, Ачинская инородческая волость, в которой был основан Ачинский острог, в XVIII в. на местном тюркском языке носила название *ачы5 йон*, т. е. «*ачы5ский* народ»¹. Отпадение заднеязычного звонкого щелевого звука *5* объясняется тем, что этот звук произносится очень кратко. Русскому языку в данной позиции звук *5* чужд и поэтому непривычным ухом обычно не воспринимается. Появление *и* вместо *ы* объясняется тем, что русский мягкий *ч* не терпит после себя звука *ы*. Добавим еще, что Ачинск не называется так по протекающей здесь речке Ачинке, как думают некоторые², а, наоборот, эта речка получила свое название от Ачинска (*Ачинская* речка, *Ачинка*); на месте первоначального основания Ачинска такой речки не было³.

Во многих случаях первоначальное название настолько искажено, что его восстановление без дополнительных данных совершенно невозможно. Очень важное значение при этом имеет привлечение всех русских диалектных вариантов названия данного объекта, всех исторически засвидетельствованных написаний (на географических картах, в трудах путешественников, в исторических актах), а в особенности всех вариантов, имеющих в различных говорах местного дорусского населения (тюрков, селькупов, хантов, кетов). Во многих случаях без учета и сопоставления всего этого материала уверенно решить вопрос об этимологии топонима совершенно невозможно. Приведем пример.

На среднем Чулыме имеется населенный пункт *Ергоза*, расположенный на старице. Кроме этого названия, известны местные русские диалектные варианты: *Изырга*, *Иргаза*. Топоним разъясняется из среднечу-

¹ См. об этом: J. P. Falk, Beiträge zur topographischen Kenntnis des Russischen Reichs, Bd. 3, St.-Petersburg, 1786, стр. 556 (*йон* — нижнечулымская форма; в среднечулымском диалекте это слово звучит как *чон*, в кызыльском наречии — *шон*.)

² См. А. Щекатов, Географический словарь Российского государства, ч. I, М., 1801, стр. 297.

³ Вопрос о значении корня слова *ачы5* мы оставляем открытым. См. также: С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы, М., 1952, стр. 15.

лымского названия старицы, на которой расположен поселок: *эрг-зуз* «старина» (буквально: «старая река»). В этом слове конечный согласный был отброшен, а оставшаяся часть (*эргизу*), осмысленная как винительный падеж, послужила основанием для создания по аналогии формы именительного падежа (*эргиза*). Так как первоначальное тюркское ударение на последнем слоге было сохранено, то предударные гласные как редуцированные легко могли изменить свое качество; форма *Иргаз* представляет собой метатезу, довольно близкую к оригиналу.

На этом же примере мы видим, как возникает в русском языке «речной суффикс» *-за*. Аналогичным образом на тюркской территории изучаемого нами района Западной Сибири возникло окончание *-са* из слова *суз* «река», *-да* и *-та* — из суффикса *-тыг* (например, *Камышта* < *Камыштыг* «камышевая»), *-ла* — из суффикса *-лыг* (например, *Киндырла* < *Киндырлыг* «крапивная»); в селькупских районах: *-га* — из *-гъ*, *-гы*, *-гу*; *-ка* — из *-ке*, *-кы*, *-к* [например, *Анга* «курый» (на Оби) из селькуп. *ангъ*, *анггу*; *Акка* «курый» (на Кети) из селькуп. *ак*, *акъ*]; *-джа*, *-ча* — из *-дж*, *-ч* [например, *Кальджа* (приток Оби) — из селькуп. *кальдж* «илистый»]. Эти факты приводят к выводу, что надежный анализ топонима возможен только при точной лингвистическо-географической его локализации. При этом имеются в виду следующие отдельные моменты: на карту должны быть нанесены все однотипные названия (например, с «речным суффиксом» *сес* и его вариантами), являющиеся предметом специального исследования; на этой же карте должны быть отмечены ареалы распространения важнейших фонетических особенностей местных русских говоров, а также диалектов аборигенного нерусского населения. Кроме того, очень полезно нанести на карту также и все остальные типы названий неизвестного происхождения, поскольку это помогает выявить, при наличии субстрата, промежуточный язык. Приведем пример.

На территории распространения окончания *сес* в названиях рек можно констатировать в топонимах, помимо указанного, еще следующие окончания: *да*, *са* (к северу от Енисейска), *да*, *до*, *ка*, *га* (в Нарымском крае) и *да*, *ла*, *на*, *та*, *са* (в южной части Западной Сибири). К северу от Енисейска наряду с окончанием *сес* мы встречаем только окончания *да* и *са*; при этом первое (*да*) только в названиях озер, второе (*са*) только в названиях рек. В данном районе русский язык наслонился непосредственно на кетский, и *да* восходит к кетскому *де?* «озеро», а *са* возникло из стяжения общего названия реки, встречающегося в сымском диалекте енисейско-кетского языка (ср. русск. *Дында* из кетск. *Дынде?*, русск. *Кыкса* из кетск. *Кыкс*, *Кыксис*). В Нарымском крае, где наряду с *сес* или *сет* встречаются окончания *да*, *до*, *ка*, *га*, кеты были ассимилированы селькупцами; окончания *ка*, *га* восходят к селькуп. *кы*, *гы* «река», а окончания *да*, *до* — к селькуп. *то*, *ту* «озеро» или кетск. *де?* «озеро» (ср. *Тогульдо* из кетск. **Тогул'де?* «озеро с жесткой водой»). В южной части Западной Сибири кетская топонимика вошла сначала в различные тюркские языки и диалекты. В этом районе окончания *да*, *ла*, *на*, *та* в топонимах с русским оформлением, как показало наше исследование, восходят к тюркскому суффиксу обладания *лыз* и его вариантам (*дыз*, *ныз*, *тыз* и т. д.), а окончание *са* — к общему названию реки *су* или *суз*.

Само собой разумеется, что в географической топонимике имеется много названий, которые полностью разъясняются из определенного языка, например из русского (*Каменка*, *Грязноватка*, *Шумиха*). Кроме них, существует много терминов, заимствованных из другого языка, например *Рейн* — русский гидроним, заимствованный из немецкого. Нас здесь интересуют преимущественно не заимствованные термины, а топонимы иноязычного происхождения, вошедшие в данный язык путем языковой ассимиляции соответствующего иноязычного населения. Первоначальную форму такого топонима, восстановленную теоретически или же установленную либо путем опроса сохранившегося живого на-

селения, либо по старым записям, мы будем называть субстратной формой. Форму же, видоизмененную при ассимиляции, целесообразно называть суперстратной. Субстрат и суперстрат мы понимаем здесь в смысле чисто лингвистическом, т. е. как хронологическую последовательность наслоения внешних и внутренних особенностей слова, связанных с перемещением его из одного языка в другой в результате ассимиляции населения и смены одного языка другим. Так, например, *Ванджылька* — русская суперстратная форма названия правого притока Тыма; субстратная для русского языка форма *Ванджыль-кы*, сохранившаяся в живом употреблении у местных селькупов, является чисто селькупским словом (*вандж* «нелма», *ванджыл* «нелмовый», *кы* «река»).

В Западной Сибири нередко субстратная форма топонима является суперстратной в отношении другого языка; для языка, последнего по времени наслоения, такая форма, следовательно, является субсубстратной. Приведем пример. Название правого притока Чулыма (притока Оби) *Кытат*, которое зафиксировано на географических картах, является русской суперстратной формой по отношению к тюркск. *Кытат*, которое сохранилось еще в живом употреблении у тюрков-аборигенов. Указанная русская форма в данном случае отличается от субстратной тюркской как своим звучанием (*и* вместо *ы*, заднеязычное *к* вместо язычкового *к*), так и грамматическим содержанием (в русском она имеет значение мужского рода, чего нет в тюркском слове). Но *Кытат* является тюркским словом только по употреблению, а не по своему происхождению; это слово восходит, оказывается, к субстратной для него кетской форме **Кытет*, фактически не засвидетельствованной, а восстанавливаемой теоретически. В процессе ассимиляции кетов (пумпокольцев) тюрками среднего Чулыма второй элемент в этом слове переменял свою огласовку в соответствии с сингармонией гласных, свойственной чулымско-тюркскому языку; кроме того, это слово потеряло значение неодушевленного рода, которое оно имело в кетском языке. *Кытет* является, таким образом, субсубстратной основой для русского топонима *Кытат*.

На территории бывшего расселения кетов мы констатировали несколько районов с разносубстратным составом у русской географической терминологии. Укажем важнейшие из них. Русские географические названия, которые по своему происхождению восходят к кетским, имеют своим субстратом: 1) различные говоры и наречия кетов в бассейне притоков Енисея — рек Сым и Дубчес — и к востоку от Енисея, выше впадения Ангары; 2) различные тюркские языки и наречия в бассейне Томи, в верховьях Енисея, в бассейне среднего и верхнего Чулыма (приток Оби) и в бассейне некоторых правых притоков Иртыша (Тара, Уй, Шиш, Туй, Демьянка); 3) различные диалекты селькупского языка на средней Оби, в частности на нижнем Чулыме, на Кети и Тыме; 4) различные говоры хантыйского языка в районе среднего и верхнего Васюгана (левый приток Оби), в верховьях Ваха (правый приток Оби) и по Оби, ниже устья Тыма (правый приток Оби); 5) бурятские говоры в бассейне Уды, притока Ангары; 6) южносамодийские наречия в верховьях Иртыша и Енисея.

При такой сложности топонимической стратиграфии, конечно, задача этимологического исследования весьма осложняется; однако, как мы увидим дальше, именно это обстоятельство одновременно и облегчает восстановление субстратных или субсубстратных основ этих топонимов, делая соответствующие выводы во многих случаях бесспорными, а в других — очень вероятными.

Наиболее трудно бывает восстановить первоначальную форму с у б с т р а т н ы х топонимов, видоизмененных благодаря двухкратной адаптации двумя различными языками. Но эта задача в данном случае облегчается тем, что наличный материал позволяет изучить закономерности адаптации этих слов ассимилирующими языками. Конкретно можно выделить две ситуации: 1) адаптация русским языком топонимов

тюркского, селькупского, хантыйского, южносамодийского, бурятского и кетского происхождения; 2) адаптация кетских топонимов тюркскими языками, селькупским, хантыйским, южносамодийским и бурятским. Правда, в действительности налицо не все звенья указанных процессов, знание которых было бы желательно: русским языком фактически были адаптированы топонимы непосредственно только из трех кетских наречий (енисейско-кетского, ассанского и коттского), селькупским — только из двух (енисейско-кетского и аринского), а хантыйским — из одного (енисейско-кетского); связи же кетского языка с южносамодийскими наречиями и бурятским языком пока еще мало исследованы. Особенно поучительно изучение процессов адаптации кетских топонимов тюркскими языками, потому что в данном случае ряд различных языков или наречий (хакасский, шорский, алтайский, чулымско-тюркский языки, иртышское, барабинское, томско-тюркское и обско-тюркское наречия), имеющих различный фонетический строй, восприняли топонимы из пяти известных нам кетских наречий, которые были связаны между собой довольно сложными звуковыми соответствиями.

Рассмотрим, например, топоним *Кизас* — так называется правый приток Малого Абакана, а также населенный пункт в устье одноименной речки, впадающей в р. Мрас-су, приток Томи; в первом случае топоним находится в районе хакасском, во втором — в шорском. По аналогии со многими другими подобными названиями мы выделяем в нем *Ки* + *зас*. Оба эти элемента в отдельности фонетически вполне возможны как в шорском языке, так и в хакасском, но и в том, и в другом языке подобное сочетание их в одном слове недопустимо: согласно закону сингармонии гласных, свойственному этим языкам, *зас* не может стоять после слога с гласным переднего ряда. Отсюда мы заключаем, что в шорском и хакасском первый элемент звучал *кы* и превратился в *ки* путем подстановки звуков при переходе в русский язык. Таким образом восстанавливается тюркская субстратная форма *Кызас*. Эта форма находит свое полное подтверждение в следующих названиях: *Кызас* — правый приток р. Мрас-су (Шория) и населенный пункт на одноименной речке, впадающей в р. Кайзас (Хакасия); *Кызыс* — правый приток р. Тыгис (район бывшего проживания иртышских татар, для языка которых характерны сингармоничные варианты *зис*, *зыс*); *Кытат* — правый приток Кемчуга (район мелетских татар; относительно *тат* вместо *зас* см. ниже). Но название *Кызас* на материале тюркских языков объяснить нельзя ни в целом, ни по частям. Можно поэтому предположить, что это субстратное слово. По второму элементу (*зас*) некоторые исследователи относят такие слова к кетским языкам. Это в большинстве случаев соответствует действительности, хотя до сих пор не получило полного лингвистического обоснования: затруднение состоит в том (большинство исследователей его даже и не заметили), что *зас* или *сас* ни в одном из кетских языков или их диалектов не засвидетельствовано в значении «река», хотя Н. Я. Марр и утверждал это¹. В таком значении употребляется кетское слово *сес* «река», мн. число *сас* «реки». Предположить, что элемент *зас*, *зыс*, *сас*, *сыс* восходит к кетской форме мн. числа совершенно невероятно, потому что эта форма в названии отдельной реки невозможна по смыслу и фактически не засвидетельствована ни в одном кетском топониме, записанном из уст кетов. Указанные формы являются тюркскими суперстратными видоизменениями кетского слова *сес*: после твердых основ в зависимости от особенностей действия закона сингармонии в данном тюркском наречии² появляется либо *зас*, *сас* (при двухвариантной системе аффиксов),

¹ См. Н. Я. Марр, К вопросу о названиях рек Сибири в освещении яфетической теории, ИАН СССР, Серия VI, 1926, № 5-6, стр. 352.

² На это обстоятельство указал уже В. В. Радлов (см. W. Radloff, *Phonetik der nördlichen Türksprachen*, Leipzig, 1882, стр. 42).

либо *зас*, *сас*, *зис*, *сис* (при наличии в этом тюркском диалекте большего числа сингармоничных вариантов аффиксов); начальный звонкий (з) появляется после гласных или сонорных согласных, а начальный глухой (с) — после глухих согласных в соответствии с действующим в тюркских языках и наречиях рассматриваемого нами района законом распределения глухих и звонких согласных внутри слова. Кетская огласовка (*сес*) могла сохраниться только после «мягких» основ в тех тюркских языках и наречиях, которые сохранили др.-тюрк. *е* (в шорском, хакасском, чулымско-тюркском). Некоторые иртышские тюркские наречия поэтому вообще не имеют элемента *сес* в топонимах; вместо него употребляются варианты *сис*, *зис* (см. табл.).

Субсубстратные кетские варианты общего названия реки в составе сложных топонимов и соответствующие им суперстратные варианты (селькупские, тюркские и русские)

Енис.-кет- ские	Селькуп- ские	Тюркские	Русские
<i>сес</i> , <i>с'ес</i>	<i>сес</i>	<i>сес</i> , <i>зес</i> , <i>сез</i> , <i>сас</i> , <i>зас</i> , <i>саз</i>	<i>с'ес</i> , <i>з'ес</i> , <i>с'ез</i> (с), <i>сас</i> , <i>зас</i> , <i>саз</i> (с)
<i>сис</i>		<i>сис</i> , <i>зис</i> , <i>сыс</i> , <i>зис</i>	<i>с'ис</i> , <i>з'ис</i> , <i>сыс</i> , <i>зис</i>
<i>ч'ес</i> <i>ш'еш</i>		<i>ч'ис</i> , <i>чыс</i> <i>ш'иш</i>	<i>чыс</i> (орфогр. <i>чис</i> , <i>чыс</i>) <i>шыш</i> (орфогр. <i>шиш</i>)
Коттские <i>шет</i> <i>ч'ет</i>		<i>шет</i> , <i>жет</i> <i>ч'ет</i> , <i>ч'ат</i>	<i>шет</i> , <i>жет</i> <i>ч'ет</i> , <i>ч'ат</i>
Пумпо- кольские <i>*тет</i>		<i>тет</i> , <i>дет</i> , <i>дät</i> <i>тат</i> , <i>дат</i> , <i>тот</i> , <i>дот</i>	<i>т'ет</i> , <i>д'ет</i> , <i>тат</i> , <i>дат</i> , <i>тот</i> , <i>дот</i>
Аринские <i>*сет</i> <i>*сат</i>	<i>сет</i> , <i>зет</i> <i>сат</i> , <i>зат</i>		<i>с'ет</i> , <i>з'ет</i> <i>сат</i> , <i>зат</i>
Ассанские <i>ул</i>	<i>ул</i>	<i>ѳл</i> , <i>ул</i>	<i>ул</i> (орфогр. <i>уль</i> , <i>юль</i>) <i>ул</i>

Таким образом, тюркские суперстратные формы дают нам возможность определить характер основы («мягкая» или «твердая») в начальном компоненте (обычно односложном) кетского составного топонима. К сказанному следует добавить, что и в тюркском ареале довольно долго сохранялось воспоминание о том, что *сес* представляло собой отдельное слово: это сказывалось в сохранении и после твердых основ старой кетской огласовки. К. Риттер, который основывается главным образом на материалах XVIII в., приводит формы *Ай-зесь*, *Ум-зесь*, *Пуг-зесь*¹, которые известны теперь только в форме *Айзас*, *Умзас*, *Погзас* (*Пугзас*).

Сопоставительное изучение систем звуков тюркских и кетских языков (или селькупского с кетскими и т. д.), кроме того, дает возможность довольно точно определить и качество восстанавливаемых звуков. Это восстановление основывается на наблюдениях над тем, какие звуки при переходе слова из одного языка в другой подвергаются субституции и какие нет. Например, почти все гласные (*ы*, *и*, *е*, *а*, *о*, *у*) тех кетских наречий, которые употребляют в значении «река» слово *сес*, передаются в шорском, хакасском, чулымско-тюркском языках гласными того же качества; однако разграничение гласных *е* и *о* на открытые и закрытые, которое в некоторых кетских говорах (в курейском, елогуйском) имеет фонематическое значение, в тюркских языках не сохраняется, так что в этих случаях требуются дополнительные данные для установления качества того или иного звука в восстанавливаемой кетской форме топо-

¹ К. Р и т т е р, Землеведение Азии, т. IV, СПб., 1877, стр. 499, 500.

нима. Что же касается своеобразного лабиализованного гласного среднего подъема среднего ряда (ɛ̃), имеющегося в названных наречиях и отсутствующего в тюркских, то он подвергается субституции обычно, по-видимому, звуками *ö* или *у*. Но окончательное установление качества гласного в кетской подоснове, когда суперстратная тюркская форма имеет в начальном слоге *ö* или *у*, возможно только при наличии дополнительных данных.

Дополнительными данными такого рода, имеющими важное значение для реконструкции субсубстратных форм топонимов, восходящих к кетскому языку, являются, например, разноязычные суперстратные формы, возникающие на основе одного и того же кетского топонима. Так, отсутствие сингармонии гласных в селькупском языке объясняет нам, почему в селькупских районах с кетским субстратом встречается только *сес*; вместе с тем соответствия и расхождения в системах звуков селькупского и кетского языков при учете соответствующих данных тюркских языков позволяет нам уточнить в ряде случаев качество отдельных звуков кетской подосновы.

Для того чтобы уяснить себе указанный прием восстановления первоначальной звуковой формы топонима кетского происхождения, рассмотрим в качестве примера гидроним *То:льсес* (название левого притока Кети), записанный из уст местных жителей — селькупов. Долгое *о* в этом слове получено было путем стяжения из *о5о, о5у*; произношение *то5-ул'сес* до сих пор можно услышать в речи стариков. На старых картах эта река называется *Тогульсес*¹. Ни одна из составных частей этого названия из селькупского языка не разъясняется. Все гласные этого слова (как и согласные) могли бы быть кетскими; однако в то время как для кетских *е* и *у* в селькупском имеются однозначные соответствия, селькупскому *о* в кетской подоснове могли бы соответствовать звук *о* или же звук *ɔ̃*. Таким образом, в кетском субстратном слове остается не выясненным качество первого гласного.

Для уточнения этого вопроса мы обратимся к рассмотрению аналогичного тюркского суперстратного гидронима *тöбүлдөт*, в русской передаче *Тегульдөт* — название населенного пункта, расположенного на одноименной речке Тегульдөтке. Последняя находится в ареале бывшего распространения пумпокойской группы кетов, в языке которых река называлась *тет*; озвочение *т* после *л* — тюркское суперстратное явление, о чем выше уже говорилось. Тюркский звук *ү* имеет свое близкое соответствие в кетском языке; в данном случае он произносится несколько смягченно после *ö* начального слога по закону сингармонии (переходу в *ү* мешает глубокий заднеязычный *5*). Но звука *ö* в кетском языке нет; он мог появиться в тюркском топониме только в порядке субституции специфического для кетского языка гласного *ɛ̃*, акустически близкого к тюркскому *ö*. Таким образом, субстратная кетская форма топонима *Тегульдөт* восстанавливается в виде *т'эбул'тет*. Если заменим здесь последний элемент через *сес*, то мы получим *т'эбул'с'ес'*; это как раз и есть субсубстратная кетская форма топонима *То:льсес* или *Тогульсес*. В последнем звук *о* является селькупской субституцией звука *ɛ̃*.

Название *то5улсес* имеет свою полную аналогию в топонимике, записанной автором из уст курейских кетов. Так называется маленькая речушка, впадающая в горное озеро Мундуйка. В этом слове *то* или *т'э* означает «соль», *ул'* — «вода», *с'ес'* — «речка», т. е. все слово имеет значение «речка с соленой (жесткой) водой»; по своему построению и значению это слово полностью соответствует немецкому *Salzwasserfluß*. Мы видим, что звук *5* появился в порядке субституции звука². Но субституция эта, возможно, и не суперстратная, а имевшая место уже в кетской под-

¹ См., например, карту Южной пограничной полосы Азиатской России (IV бис — Сургут, 1922).

основе. В пользу этого говорит то обстоятельство, что у курейских кетов автор наряду с *тѣ'чл'* «вода с солью», «жесткая вода» (Salzwasser) или *то'чл'* (здесь *о* возникает в речи, по-видимому, в порядке регрессивной ассимиляции) слышал также *то:бул'* и даже *то:Гул'*, где гортанный смычный *ʔ* замещен увулярным смычным *Г*. С другой стороны, у тюрков среднего Чулыма, где еще в XVI в., вероятно, сохранялся кетский язык в живом употреблении, до сих пор встречается факультативное *ʔ* вместо *б* в интервокальном положении в чисто тюркских словах, так что, например, произносят *кичӑ'ӑч* вместо *кичӑбӑч* «малюсенький».

Вернемся теперь к анализу топонима *Кизас*. Второй элемент этого слова в соответствующей кетской подоснове звучал как *сес*. Что же касается вопроса о качестве гласного в первом элементе слова, то его решить гораздо труднее. Здесь, к сожалению, отсутствуют показания живого селькупского языка. Хотя у нас и имеется топоним *Кисес* (так называется левый приток Сангильки — правого притока Тыма, а также правый приток р. Косес — тоже правого притока Тыма) на заведомо селькупской территории, но там селькупов больше нет, и название нам известно из уст русских; в селькупском языке возможно было бы как *Ки-сес*, так и *Кысес*, а в русской передаче возможно только первое. Но так как на тюркской территории с кетским субстратом встречается также и *Кизес* (правый приток р. Мрас-су), то мы вправе предположить, что указанные выше суперстратные тюркские топонимы восходят к кетск. *Кысес* и *Кисес* (оба варианта, *кы* и *ки*, не только фонетически возможны в кетском, но и существуют как отдельные слова). Вопрос же о том, что лежит в основе приведенного селькупского названия, на основании одних фонетических сопоставлений решить не представляется возможным. Важно также учесть физико-географические, фито- и зоогеографические условия места нахождения данного географического объекта при установлении лексического значения восстанавливаемого кетского слова. Слово *ки* у сымских и пмбатских кетов означает «новый», и сами кеты без колебаний переводили мне *Кисес* как «Новая речка» и в значении этого названия ничего странного или необычного не находили. Действительно, в условиях, бассейна Тыма с его огромными болотами легко можно предположить, что после большого половодья исток болота изменился или появился новый. Менее понятным является *Кизес* в горной местности Мрас-су, хотя аналогичные названия отмечаются в подобных же географических условиях в других местах (например, в Зальцбургских Альпах есть речка Нейбах, название которой по своему строению и значению полностью совпадает с *Кизес* и *Кисес*).

Из предыдущего изложения видно, что надежный анализ топонимов предполагает знание и учет грамматических и фонетических особенностей тех языков, которые причастны к созданию этих топонимов, а также знание законов адаптации данным языком слов другого языка. Однако совершенно недостаточно учитывать одни качественные различия или сходства звуков; необходимо еще принимать во внимание, в какие ряды чередования они входят в данном языке и в какой ряд они вступают при переходе в другой язык. Это дает возможность отделить случайные совпадения от закономерных соответствий при омонимии названий в разных ареалах. Так, например, не учитывая указанных обстоятельств, можно было бы считать местное тюркское название *Шет* (по-русски — *Четь*) притока р. Кии идентичным со словом *шет* «река», которое имеется в соседнем к востоку коттском ареале; однако название этого притока, хотя оно и кетское, коттским, как мы увидим дальше, фактически не является. Аналогичным образом можно было усмотреть в названии реки Чулдат тюркско-кетское гибридное образование («река + река»), потому что в этом же районе действительно употребляется тюрк. *чул* в значении «река». Однако происхождение *чул* в составе топонима *Чулдат* и *чул* как самостоятельного слова совершенно различно.

Кроме того, учет рядов чередования звуков, свойственных воспринимающему языку, дает нам возможность установить тождество различных суперстратных вариантов с одной и той же субстратной основой. Возьмем пример. В чувлымско-тюркском языке существует следующий, чередующийся по диалектам ряд звуков, соответствующих начальному звуку *ч* в древнетюркском языке: мелетский говор (Вирюлюсский район Красноярского края) вместо *ч* имеет *с*, тутальский (Тегульдетский район Томской области) — звук *ш*, нижнечувлымский (Асиновский и Пышкино-Троицкий районы Томской области, включая кюзарское наречие на Кле) — *ц'*. Отсюда вытекает, что одна и та же кетская подоснова, например **ц'ул*, в чувлымско-тюркском ареале может встретиться в таких вариантах: *ц'ул*, *шул*, *сул*; имея же в виду, что звук *ц'* в русском языке отсутствует и что он субституируется звуком *ч'*, мы должны ожидать следующие русские варианты: *чул*, *шул*, *сул*, что и соответствует действительности. Таким образом выявляется, например, тождество названий *Чулдат* и *Шулдат*. То, что названия р. Четь и ее притока Чулдат, расположенных в тутальском диалектном ареале, имеют в русском начальное *ч* вместо тутальского *ш*, объясняется тем, что эти названия были усвоены через кюзарское наречие на Кле, куда впадает Четь и откуда двигались русские, осваивая этот район. А тот факт, что левый приток Чулыма — Шулдат (выше Ачинска) имеет начальное *ш*, находит свое объяснение в том, что местное население — кызылы, от которых получено это название, в своем языке имеют *ш* вместо др.-тюрк. *ч*, подобно тутальскому наречию.

Восстановление этимологии кетской субстратной основы осложняется тем, что различные звуки ее могут быть членами различных рядов чередований в кетских языках. В вышеприведенном конкретном случае кетские языки, как и тюркские, имеют чередование начального звука перед гласным среднего или заднего ряда, а именно: пумпокольскому *ц'* соответствует в аринском и асанском языках *с'* и *ш'*, в коттском — *ш* и *ч*, в имбатском — *с* и *с'*. Этот факт дает нам возможность отождествить чувлымско-тюрк. *чул-* и *шул-*, восходящие к пумпокольской основе *ц'ул*, и основу *сул*, имеющуюся в топониме *Сулзат* из аринского ареала и в топониме *Сульцис* из енисейско-кетского и означающую «нелма» (это значение засвидетельствовано в последнем из языков). Вместе с тем мы видим, что *Шулдат*, имея начальный компонент, по звуковому составу и даже по значению совпадающий с коттск. **шул* «нелма», все же коттским словом не является: начальное *ш* в этом слове возникло в результате фонетической адаптации кызылами пумпокольск. **ц'ул* «нелма». Точно так же ср.-чувлымск. *Шет* (р. Четь) нами возводится на этом основании не к коттскому слову *шет*, а к пумпокольск. *ц'ет*, *т'ет* «река», хотя последние фактически и не засвидетельствованы.

К сказанному следует добавить, что выяснение этимологии субстратной основы затрудняется еще и тем, что параллельные кетско-тюркские ряды чередования звука территориально не совпадают и что нередко один и тот же звук такой основы может быть членом различных рядов чередования. Например, пумпокольск. *ц'*-, кроме указанного ряда, может входить еще в следующие ряды: пумпокольск. *ц'*-, имбатск. *т-*, *т'*-, коттск., аринск., асанск. *ш-*; пумпокольск. *ц'*-, имбатск. *к-*, асанск., коттск., аринск.² (или нуль звука); конкретный ряд чередования зависит от происхождения данного звука или же определяется звуковым соседством. Знание всех этих рядов чередования при учете конкретных законов фонетической адаптации позволяет уже теоретически установить суперстратные формы слов и проверить их на практике, т. е. путем сопоставления с фактически засвидетельствованными.

Этимологический анализ топонима можно считать успешным только в том случае, если разъяснены все морфологические части слова и установлено их значение. Для проведения такого анализа применение ука-

занных выше приемов совершенно необходимо, но оно не является достаточным. Дело в том, что даже при полном соответствии частей топонима с известными словами того или иного языка может оставаться неясным, как следует понимать внутреннюю форму данного топонима. Так, например, топоним *Исес* можно разложить либо на *И-сес*, либо на *Ис-сес* (имея в виду, что отдельные согласные между гласными в кетском языке часто бывают полудолгими). Слово *ис* в кетском языке имеет значение «рыба», слово *и* — «солнце». Но не следует забывать, что *и* фактически является тюркской адаптацией кетского слова и что ту же самую форму получили бы в тюркских языках Западной Сибири кетские слова *ʔи* «имя», *ʔиʔ*, «лабаз», *hi* «черемуха». Следовательно, топоним *Исес* может иметь не менее 5 различных толкований. Какое же из них следует считать правильным или наиболее вероятным?

Для решения такого рода вопросов необходимо выявить особенности национальных (т. е. связанных с определенным языком) систем классификаций терминов данного класса (названий рек, озер и т. д.). Эти системы, как показало изучение топонимов, употребляемых в живых языках Западной Сибири (селькупском, хантыйском, кетском и в различных тюркских языках и наречиях), являются весьма своеобразными и во многом довольно сильно отличаются друг от друга. Изучение живого языка позволяет выявить не только основные типы морфологического строения топонимов, но и их семантические модели, свойственные тому или иному языку. Другими словами, оно дает возможность вскрыть мотивированность построения топонимов, которая определяется особой направленностью интересов данного общества по отношению к географическим объектам, особенностями материальных условий жизни народа и спецификой его исторического развития. Знание национального своеобразия семантики топонимов позволяет нам выделить среди различных и с формальной точки зрения одинаково допустимых толкований наиболее вероятное. Так, например, мы считаем этимологию названия р. *Камзас* — «стрела + река» — неправильной и связываем это название с имеющимся омонимом со значением «гусь», потому что кеты до сих пор в своих топонимах отмечают исключительно только такие особенности географических объектов, которые представляют практический интерес для охотника, рыбака и собирателя.

В заключение нам еще хочется указать на значение исследования живых русских говоров в тех местах, где русское население непосредственно соприкасается с иноязычным, и на необходимость сопоставления устных вариантов топонимов с письменными. В том и другом случае можно констатировать стремление говорящих или пишущих более или менее точно передать звуковой состав ассимилируемого слова. Однако реализуется это стремление по-разному. В то время как письменные варианты всегда в известной мере определяются особенностями графики данного языка и правилами орфографии, устные варианты топонимов в народных говорах свободны от стесняющего влияния традиций письма, а, кроме того, постоянное непосредственное общение дает возможность лучше распознать звуковой состав чужого слова и точнее его передавать. Вследствие этого учет устноразговорных суперстратных форм позволяет иногда уточнить звуковой состав того или иного слова, вошедшего в язык путем ассимиляции иноязычного населения.